

1

Когда Ник вернулся к себе в контору, на лотке с биркой «Пока вас не было» его ожидала пухлая стопка розовых листков. Академия размещалась в одном из любопытнейших зданий К-стрит — десятиэтажном, с атриумом посередке, в который выходили увитые плющом балконы. Общее впечатление оставалось словно бы от вывернутых наизнанку Висячих садов Вавилона. На первом этаже огромный неодекоклассический фонтан извергал и сразу же умирал плещущий поток белого шума. Академия табачных исследований обосновалась в трех верхних этажах. Нику, занимавшему в АТИ — или Академии, как по требованию БР обязаны были называть ее сотрудники, — пост старшего вице-президента по связям с общественностью, полагался по чину внешний угловой офис, но он предпочел внутренний, и тоже угловой, потому что любил звук текущей воды. К тому же здесь он мог оставлять дверь открытой, чтобы сквозь нее выносило в портик табачный дым. Даже курильщикам следует заботиться о хорошей вентиляции.

Он пролистал пачку розоватых узких листков, дожидавшихся его на стойке приемной. «Си-би-эс

ждет нашей реакции на призыв ГВ¹ запретить размещение рекламы табака вдоль шоссеиных дорог». Эй-би-си, Эн-би-си, Си-эн-эн и т. д. и т. п. — все они ждут того же, за исключением «Ю-Эс-Эй тудей», которому требуется наша реакция на завтрашнюю статью в «Медицинском журнале Новой Англии», содержащую заключение медицинской науки насчет того, что курение, помимо прочего, ведет к некоей «болезни Бюргера» — расстройству системы кровообращения, чреватому ампутацией всех конечностей до единой. «Хоть бы раз, — подумал Ник, — вернуться в офис и обнаружить что-нибудь отличное от обвинений в новых жутких болезнях».

— Вам мать звонила, — протягивая ему последний листок, сказала Морин, секретарша, ведающая приемом посетителей и ответами на звонки. — Доброе утро, — тут же прощebetала она в телефон, после чего выдохнула клуб дыма и закашлялась. То был не грациозный, прочищающий горло кашелек, а взревы легочного бульдозера. — Академия — аггр! — табачных — кхаа! — исследований.

Ник давно уже задавался вопросом: такой ли уж плюс для них телефонистка, не способная выговорить «алло» без бронхиальных судорог?

Морин ему нравилась. Может быть, сказать ей, чтобы не кашляла в присутствии БР? За последние шесть месяцев у нас и так слетело немало голов. Теперь тут правил Мурад IV.

Войдя в кабинет, Ник стянул с себя новую спортивную куртку от Пола Стюарта и повесил ее на дверь. Одна из хороших сторон смены руководства Академией состояла во введении новых пра-

¹ ГВ — главный врач государственной службы здравоохранения. Именно его предупреждение о вреде курения печатается на каждой упаковке табачных изделий.

вил по части одежды. Появившись в Академии, БР первым делом созвал всех сотрудников отдела по связям с общественностью, которым приходилось появляться перед телекамерами, и объявил, что не желает, чтобы они выглядели как орава задрипанных бомжей с К-стрит. «Часть нашей проблемы, — сказал он, — состоит в том, что табак утратил сексуальную привлекательность». Он хочет, сказал БР, чтобы его сотрудники выглядели как люди с рекламной картинки, а не как жмотье, прибахлившееся на распродаже универмага «Джей-Си Пенни»¹ в День рождения Вашингтона². После чего он выдал каждому по пять тысяч долларов на покупку одежды, и каждый, уходя с того совещания, думал: «Вот это босс!» Половина из них, вернувшись к своим столам, обнаружила уведомление об увольнении.

Ник взглянул на собственный стол и нахмурился. Черт знает что! Он не педант, он готов мириться с определенным беспорядком, но ему вовсе не хочется становиться мусорным ящиком, которым пользуется кто ни попадя. Он уже объяснил это Дженнет, и та с обычной ее серьезностью заверила Ника, что все поняла, — но тем не менее продолжает использовать его письменный стол как компостную яму. Сложность состояла в том, что хотя Дженнет, как сотрудница отдела по связям с общественностью, формально подчинялась Нику, однако, с другой стороны, БР притащил ее с собой из Ассоциации автоматической торговли, причем и он и она явно души друг в друге не чаяли. Странно, но

¹ «Джей-Си Пенни» — компания, владеющая сетью универсальных магазинов.

² Официальный праздничный день — третий понедельник февраля.

вела себя Дженнет так, будто Ник и есть ее настоящий босс — высшая, низшая и какая угодно инстанция.

Она свалила на его стол пять пачек отчетов АООС¹ о пассивном курении, все с пометками «срочно». Ник коллекционировал ножи. Так Дженнет уложила поверх одной из пачек принадлежащий ему кинжал в кожаных ножнах, с каким племя масаи охотится на кабанов. Не издевка ли это, закамуфлированная под аккуратность?

Позвонила его секретарша Гэзел: БР просил передать, что желает увидеть Ника, как только тот вернется с «Чистых легких». Ник решил, что сразу к БР не пойдет. Сделает несколько звонков, а уж *после* отправится отчитываться перед начальством. Вот так. И Ник ощутил облегчение, просто-таки раздулся от ощущения собственной независимости.

Через несколько минут Гэзел, словно прочитав его мысли, позвонила опять:

— Ник, БР сказал — как только ты вернешься.

Гэзел, хорошенькая черная мать-одиночка, только-только разменявшая четвертый десяток, вертела Ником как хотела, поскольку Ник, выросший в доме, которым заправляла черная служанка старой выучки, смиренно выслушивал любой сделанный негритяжкой выговор.

— *Да*, Гэзел, — кисло ответил он, даже этим изрядно перенапрягнув свою способность к сопротивлению. Он понимал, что происходит в ее умной головке: Гэзел знала, что Дженнет нацелилась на его место и что ее, Гэзел, работа зависит от того, сохранит ли Ник свою.

И все же он не позволит секретарше помыкать им. Утро выдалось тяжелое, ему необходимо отды-

¹ АООС — Агентство по охране окружающей среды.

шаться. С обрамленной серебром фотографии на него смотрел двенадцатилетний Джой. Долгое время Джой смотрел на кушетку, стоявшую напротив стола, но в один прекрасный день репортерша из журнала «Здоровье Америки», — интервью с ней вовсе не обещало благосклонной рекламы, однако приходится давать и такие, иначе эти ублюдки просто объявят, будто табачное лобби не желает с ними разговаривать, — так вот, эта баба заметила фотографию и самым любезным тоном спросила: «Ой, это ваш сын?» Ник просиял, как и положено гордому своим отпрыском папочке, и подтвердил ее догадку, после чего она ему вмазала: «И как он относится к вашей пропаганде курения среди несовершеннолетних?» С того дня портрет Джоя от кушетки отвернулся.

Ник потратил немало времени, обдумывая психологическую тональность убранства своего кабинета. Над его письменным столом висел большой плакат, гласивший: «Курение есть основная причина существования нашей статистики». Фразу эту он услышал от одного из адвокатов юридической компании «Смут и Хокинг» из Омахи, которая вела большую часть дел по искам, предъявляемым табачным компаниям людьми, которые всю жизнь прикуривали одну сигарету от другой, а обнаружив, что умирают от рака легких, решали, что им причитается компенсация.

Над кушеткой красовались оригиналы двух рекламных объявлений из журналов сороковых и пятидесятых годов. Первое изображало старомодного доктора из тех, что, получив вызов, выезжали к пациентам домой и даже пробивались сквозь пургу, дабы принять роды. Улыбающийся доктор протягивал пачку «Лаки» с таким выражением, словно это не сигареты, а спасительная упаковка эритро-

мицина. «20679* врачей утверждают: от „Лаки“ не так першит в горле» — сообщила подпись. Звездочка указывала, что врачей этих действительно пересчитала самая настоящая, специализирующаяся на сборе статистики фирма. Насколько легче было работать, когда медицина стояла на твоей стороне!

Второй плакат показывал, как «Кэмел» помогает человеку переваривать, блюдо за блюдом, обед, съедаемый в День благодарения. «Начните с настоящей еды — с хорошо проперченного томатного супа-пюре. И сразу после супа выкурите — для улучшения пищеварения — сигарету „Кэмел“». Еще одну надлежало употребить перед второй порцией индейки. Почему? Потому что «Кэмел» снимает напряжение. «Подстегните ваш желудочный сок. Увеличьте щелочность организма». Потом еще одну перед салатом «Уолдорф». И еще одну после. «Эта двойная пауза очистит ваше небо и подготовит почву для десерта». А там и еще одну, под пирог с черносливом, — «чтобы окончательно создать у вас ощущение уюта и приятное настроение». Итого, стало быть, пять, и это только за обедом. А уж как подадут кофе, так вытаскивайте из кармана всю пачку и устройте себе настоящий загул. «Для улучшения пищеварения».

БР во время единственного предпринятого им до сей поры обхода трущоб, сиречь кабинетов сотрудников, долго глазел на этот плакат, как бы пытаясь понять, достойно ли украшение подобного рода того, чтобы висеть в кабинете старшего вице-президента по связям с общественностью. Его предшественник, Джи-Джи Холлистер, нанявший Ника после малоприятного разговора, — вот кто был табачником старой школы, человеком, способным под одну только благодарственную индейку выкурить десяток «Кэмел», человеком, родившимся с

табачной смолкой в крови. Отличный был мужик, добрый, заботливый, любивший после работы посидеть в конторе с «хайболом» в руке, рассказывая байки о прежних временах, о сражениях с Лютером Терри, который еще в 1964-м, будучи Главным врачом, представил правительству совершенно катастрофический доклад. Ник особенно любил ту историю Джи-Джи, в которой...

— Ник, он сказал — немедленно...

В конце концов, это невыносимо. Он этого не потерпит.

— Я знаю, Гэзел.

«Да пошли они все, — думал он, перебирая, точно никчемную покерную масть, розовые листки, — подождут, и Гэзел и БР». У него работы по горло.

Он позвонил в несколько телевизионных компаний и, как обычно, сообщил о своей готовности «где и когда угодно» подебатировать с Главным врачом на тему рекламных щитов, — собственно говоря, и на любую другую. Главный врач, со своей стороны, отклоняла все приглашения Ника на том основании, что она не желает позорить свое ведомство, появляясь перед публикой в обществе представителя «индустрии смерти». Тем не менее Ник посылал вызов за вызовом. Все лучше, чем объяснять, что табачные компании имеют конституционное право лезть со своей рекламой к детишкам из гетто.

Так, теперь болезнь Бюргера. От нее легко не отделаешься. Ник поразмыслил несколько минут и позвонил Биллу Олбрайту из «Ю-Эс-Эй тудей». Ему вовсе не хотелось вдаваться в обсуждение деталей заболевания и еще менее того — видеть свое имя пристегнутым к цитате, содержащей слово «ампутация».

— Ну-с, — начал он скорее в грусти, чем в гневе, — почему бы и впрямь не повесить на нас болезнь Бюргера? На нас теперь каких только собак не вешают. С неделю назад я прочитал, что сигареты расширяют озонную дыру, так давайте в нее и Бюргера. Кто там у нас на очереди? Дельфины? Судя по тому, как развиваются события, мы уже на следующей неделе узнаем, что дельфины, являющиеся, как принято считать, замечательнейшими среди мелких морских млекопитающих, мрут, давась сигаретными фильтрами, которые люди швыряют в океан с круизных судов.

На самом деле ничего подобного Ник насчет озонной дыры не читал, но, поскольку Билл был другом, Ник полагал, что может наврать ему, не покрывив душой. С другого конца линии донеслось мягкое пощелкивание клавиатуры. Билл записывал сказанное. Каждый из них играл отведенную ему роль.

— Ник, — сказал Билл, — насчет этого отчета в «Медицинском журнале Новой Англии»...

— К кому я питаю величайшее уважение. Но могу ли я задать один-единственный вопрос?

— Ну?

— Где данные?

— Что значит «где данные»? В «Медицинском журнале Новой Англии». Ради бога, там одни только цифры и есть.

— Исследования проводились двойным слепым методом?

— Конечно.

Фатальное колебание. В атаку!

— И сколь же велика была контрольная группа?

— Брось, Ник.

— Так это было исследование с заранее предсказанным результатом?

— Ты хочешь, чтобы тебя упомянули в статье, или не хочешь?

— Разумеется.

— Хочешь, чтобы я использовал твоё «иде данные»?

— «Где данные», а не «иде данные». Ради бога, можешь изображать меня бессердечным прохвостом, пресмыкающимся перед табачными корпорациями, но не делай из меня безграмотного, бессердечного прохвоста, пресмыкающегося перед табачными корпорациями.

— То есть твой комментарий сводится к тому, что «Медицинский журнал Новой Англии» сам не понимает, что говорит?

— Мой комментарий таков... — Ну и каков же? В поисках вдохновения Ник обратил взгляд к доктору с пачкой «Лаки». — Болезнь Бюргера была диагностирована совсем недавно. Это сложная, а на самом деле *чрезвычайно* сложная патология. Одна из сложнейших в области нарушений кровообращения. — Во всяком случае, он надеялся, что это так. — При всем моем уважении к науке, я полагаю, что необходимы дальнейшие исследования, прежде чем она, наука, схватив намыленную веревку, займется линчеванием традиционных подозреваемых.

Клавиатура Билла щелкала безостановочно.

— А могу я тебя кое о чем спросить?

Что-то Билл нынче разошелся. Обычно он записывает то, что ему говорят, вставляет записанное в статью и берется за следующую.

— О чем? — подозрительно осведомился Ник.

— Ты действительно веришь в то, чем занимаешься? Потому что впечатление складывается именно такое.

— То, чем я занимаюсь, помогает мне оплачивать закладную, — сказал Ник, уже столько раз

прибегавший к этому рационалистическому объяснению, что от него начало пахнуть оправдательными речами Нюрнбергского процесса: «Я фсе-го лишь хотел отплатить дзакладную...»

— Ник, он только что звонил. Он *хочет* видеть тебя. *Немедленно.*

Как ни подмывало его сделать еще один звонок, следовало все-таки помнить о закладной, а кроме того, где-то под наваленными Дженнет бумагами лежал счет от колледжа Св. Эвтаназия за обучение Джоя в следующем семестре — одиннадцать тысяч семьсот сорок два доллара в год. Как они выводят подобные суммы? На что, к примеру, идут эти сорок два доллара? И чему вообще можно учить двенадцатилетнего мальчишку на одиннадцать тысяч семьсот сорок два доллара? Субатомной физике?

Ник, задумавшись, шел коридором к кабинету БР. Коридор украшали афиши оперных спектаклей, симфонических концертов и музейных выставок, которые спонсировала Академия. Во времена Джи-Джи здесь висели великолепные цветные плакаты с изображениями высушенных табачных растений — солнце сияло, пронизывая яркие листья.

Сондра, секретарша БР, окинула Ника не улыбочивым взглядом и кивком показала — входи. Эта тоже следит за здоровьем. На ее столе пепельницы не увидишь.

Просторный, обшитый деревом — грецким орехом, — мужественного обличия кабинет всегда напоминал Нику внутренность сигарной коробки с увлажнителем. Пока, во всяком случае, БР не содрал со стен оставшуюся от Джи-Джи прелестную деревянную обшивку, не заменил ее протравленной сталью.

Бадд Рорабачер приветственно поднял брови. Он сидел, откинувшись в просторном кресле, и читал